

Лыкова Н.Н.

УДКЛ 930.8

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕСТА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ СИМВОЛИКЕ

В статье освещена проблема изучения раннехристианской культуры. Особенностью данной темы является повышенный интерес к христианской религии в общем, и культуре в частности. Именно религия и религиозное искусство способствуют формированию духовных идеалов общества, потому в последнее время многие люди стали обращаться за поиском этих идеалов к истокам религиозной культуры.

Рассмотрению концепции трансформации символа креста было посвящено значительное количество работ. Одним из первых является труд святого праведного Иоанна Кронштадтского «О кресте Христовом (против раскольников)», впервые изданный в Санкт-Петербурге в типографии Е. Евдокимова в 1896 году с подзаголовком «Сочинения настоятеля Кронштадтского Андреевского собора протоиерея Иоанна Ильича Сергиева» (2-е издание вышло в Москве в 1898г.).

Одним из наиболее ранних произведений, касающихся этого сложного вопроса, является «Цвет духовный». Авторство этого сочинения долгое время приписывалось патриарху Иоакиму, в действительности же данную работу написал архиепископ Холмогорский Афанасий (Любимов), в 1682 году. В книге приведены рисунки древних четырёхконечных крестов в доказательство изначальности таковой формы по отношению к крестам восьмиконечным.

Статья академика РАН В.И. Молодина 2003 года издания касается крестов-тельников Западной Европы от X до XVII веков – темы, абсолютно не освещенной современными украинскими исследователями, в то время как на Западе этому вопросу посвящены многочисленные статьи и монографии историков и археологов. Этот значительный пласт произведений даёт хорошую почву для сопоставлений памятников Украины с западноевропейскими, выявляет параллели в их развитии и отличиях.

Данная тема рассматривается в статье болгарского археолога Людмилы Дончевой-Петковой, посвящённой находке в 1973 году в Плиске, древней столице Болгарии, редчайшего византийского золотого креста-энколпиона рубежа IX-X вв. Людмила Дончева-Петкова многие годы занималась исследованием крестов-энколпионов, найденных на территории Болгарии. По всей видимости, подобные кресты-реликварии расходились по христианскому миру в качестве паломнических реликвий для хранения святынь. Самый миниатюрный из известных нам подобных крестов – это крест Плиски (4,2x3,2 см), в отличие от двух более крупных крестов (10,9x6,5 см – из Пизы; 12,7x7,7 см – из монастыря св. Екатерины на Синае).

Все явления человеческой культуры имеют своё начало, истоки и предпосылки. То же касается и символа. Современный Философский словарь даёт следующее определение символа: «символ (от греч. Rumbulon) – отличительный знак, образ, воплощающий какую-либо идею, которой определённая группа людей придаёт особый смысл, не связанный с сущностью этого образования».

Символ креста в христианском мире является одним из самых древних порождений культуры и религии, и уходит корнями в глубокую древность – эпоху первобытного общества. Его возникновение связано с формированием мышления у человека, а в процессе формирования мышления важную роль играет трудовая деятельность. Люди первоначально связывали изображение креста не с солнцем, а с графическим изображением колеса. Открытие колеса являлось важным этапом развития общества, оно произвело своего рода революцию в средствах сообщения, подобно тому, как рычаг изменил технику возведения построек, первое примитивное колесо – с четырьмя перекрещивающимися спицами – перешло из конкретной жизни в область религиозной абстракции как свидетельство того пути, который проделали люди в техническом процессе.

Символ рождается на соприкосновении или даже пересечении с бесконечным: конечной и обозримой человеческой жизни с бесконечной и непостижимой вечностью. На этом соприкосновении конечного с бесконечным и возникают символы, именно так определил символ немецкий философ Август Шлегель, назвав его «знаком бесконечного в конечном». И.В. Гёте считал символ своеобразным принципом соединения известной полноты вещей», а Кассирер, создатель «философии символических форм», полагал, что существует только одна действительность – символическая.

Есть что-то символическое в желании человека быть защищённым, быть в тепле. Поэтому знак креста почитался как символ огня. Этот знак изображал первобытный инструмент для добывания огня – два куска дерева, которые быстро тёрли друг о друга, складывая их крест-накрест.

Не умея объяснить причины появления огня, первобытный человек, запуганный непонятными и грозными явлениями природы, стал обожествлять этого «подателя благ», который действительно спасал его от многих опасностей и тягот. Необходимость поддерживать постоянно огонь в те далекие времена, когда человек не открыл еще средства его добывания, обусловила широкое распространение почитания огня. Это являлось истоком возникновения культа огня, появления огнепоклонников, почитавших огонь как божество.

Из глубины веков, от первобытных людей, живших отдельными и мало связанными между собой группами, этот символ огня-спасителя пришел в религии древних государств.

Между символом и тем, что он обозначает, связь устанавливается по соглашению. Символ обычно указывает на нечто, превышающее сам образ; подразумевает большее, чем его очевидное и непосредственное значение, даёт возможность приблизиться к неизвестному, непознанному, непонятному.

Почитание креста было широко распространено в древнем Египте. Главные его боги изображались с крестом в руках. Знак креста был символом бессмертия. Бог солнечного света обычно изображался на сте-

нах египетских дворцов и храмов в виде диска, от которого исходили лучи в виде бесчисленного множества рук, в каждой из которых находился крест – податель благ и вечной жизни.

В древнем городе Фивах на стенах одного из многочисленных храмов был запечатлен священный бык Апис, всю кожу которого покрывала сплошная сеть крестиков. Этим жрецы хотели показать особую божественность священного животного, которому поклонялись древние египтяне.

Немаловажно, что у египтян крест «анх», образующий часть таких слов, как «здоровье» и «счастье», являлся символом жизни, вечности, сокрытой мудрости. Анх представлял союз мужского и женского начал, единство противоположностей, восходящее солнце. Он олицетворял ключ к экзотическим знаниям и вечной жизни духа и в этом качестве был знаком солнца, неба, земли, интеллекта, души, а также бессмертия. Позже копты – христиане восприняли форму египетского креста как знак вечной жизни во Христе.

Потребность человека в символических ценностях всегда являлась неистребима. Без них невозможно представить себе существование языка, искусства, мифологии, истории, политики – почти любой сферы деятельности.

Поэтому все легенды о рождении, жизни, деяниях и смерти Иисуса Христа, будучи сходными со сказаниями о древних, дохристианских, богах, не были чем-то новым для людей, легко воспринимались и усваивались. Вера в Христа – умирающего и воскресающего бога – быстро распространялась и прививалась среди разноплеменных народов, населявших Римскую империю. Новым в христианстве было то, что оно обращалось не к людям одного определенного племени, не к одному народу, а ко всем угнетенным и рабам Римской империи.

Исследуя развитие конкретного объекта, необходимо установить причину развития, его источник; выявить механизм развития и определить направленность развития.

Если форма и содержание объекта гармонично вписываются в среду обитания, а сам объект исчерпывающим образом выполняет свое назначение, то необходимость его развития исключается. Другими словами, в развитии нуждается то, что недоразвито, то, что демонстрирует свое несовершенство. Отсюда следует, что главным мотивом эволюции мира природы креста была рассогласованность между средой и ее обитателями.

В процессе развития изменяется качество. Качество – это существенная определенность, благодаря которой объект является именно этим, а не другим объектом. Качество отражает структурно организованную взаимосвязь составляющих его элементов.

Итак, развитие – это не просто изменение, а качественное изменение. Традиционно под качественным изменением понимают прежде всего изменение структуры объекта; изменение его состава.

Изменение структуры (т. е. совокупности связей между составляющими объект элементами) и изменение состава (т. е. входящих в объект составных частей) вызывают или возникновение новых связей, или трансформацию старых, что делает объект уже не тем, чем он был раньше. Он обретает иную определенность, становится другим объектом.

Качественные изменения происходят не сразу, а постепенно, в ходе небольших количественных изменений, которые, накапливаясь, исподволь подтачивают старое качественное состояние, чтобы в один момент наступило новое качество.

Развитие, как явствует из сказанного выше, не есть одномоментный акт. Оно предполагает, что между исходным и конечным состоянием лежит промежуток, заполненный количественными трансформациями.

Христианство проповедовало равенство всех людей (правда, как равенство в «первородном грехе»). Это также способствовало широкому его распространению по всем землям громадной Римской империи, проникновению в массы угнетенных и подавленных нуждой и несправедливостью людей. С постепенным упадком римского государства и разорением его населения множество язычников приходило в христианские общины. Они приносили в христианство свои обряды и сказания. В результате этих наслоений христианство, которое сначала не признавало никаких обрядов и богослужений, считая, что все это свойственно только старым «языческим» религиям, само стало, заимствуя у последних, вырабатывать свои обряды. Такие основные таинства, как причастие и крещение, были заимствованы из религии древних народов Сирии и Малой Азии, у поклонников бога солнца Митры. Праздник рождения Христа, падающий на 25 декабря, еженедельные празднования – «воскресенья» – также были взяты христианством из религии Митры. Символ вбирал в себя общую символику разных культурных контекстов, в которых он участвовал.

Таким образом, символический смысл предметов складывался из множества значений: действия, места, лица, другого предмета, обрядового контекста. Но исторические пояснения не могут полностью объяснить смысл символа, ведь в большинстве случаев он основан на глубине божественной реальности. В результате реальный предмет, становится символом, приобретает разные, нередко противоречивые значения.

Вместе со многими сказаниями и обрядами, взятыми и переработанными христианством из более древних религий, пришло и почитание креста. Но оно вошло в христианскую религию также не сразу, а постепенно, путем изменения и приспособления старого культа магического священного знака креста.

Кроме того, крест в их глазах был знаком, который почитался язычниками, не верующими в Христа. Ранние христиане, будучи особенно нетерпимыми по отношению к дохристианским языческим религиям, считали крест языческим символом и признали его.

По мере своего распространения и развития христианство вбирало в себя огромное количество различных черт более древних религий. В конце концов сами христиане стали замечать удивительное сходство «своих» обрядов и сказаний с языческими. Пытаясь как-то объяснить это неприятное сходство, один из «отцов церкви», Тертулиан, писал: «Конечно это дьявол, задачей коего является исказить истину, это он в идольских мистериях подражает самым священным таинствам. Это он помазует своих верующих, обещает

омытие грехов водою крещения: он – насколько я припоминаю таинства Митры – знаменует лбы своих воинов, справляет преломление хлеба, вызывает образ воскресения...»

Во время Тертулиана, то есть в III веке, христианство уже начало предъявлять свои права и на знак креста, как на один из символов своей религии. Страдания и мученическая смерть Иисуса Христа, его воскресение вселяли надежду в сердце верующего христианина, что смерть не уничтожает человека, а означает его второе рождение, вхождение в новую, неземную жизнь [10, с.32].

Смерть может быть величайшим злом, так как грозит уничтожением человеческого «Я», либо – величайшим благом, поскольку означает переход личности в иной мир, лишенный страданий и несчастий, в котором ей даруется вечное блаженство. Посмертная судьба человека зависит от нравственного содержания его земной жизни и, в конечном счете, всецело находится в руках всемогущего Бога, который один только может с точностью определить баланс добрых и греховных деяний человека. Отсюда следует, что человеку остается лишь уповать на милость Божью.

Уже в первые века нашей эры процесс христианизации охватил средиземноморский мир. Имперская структура постепенно отрывала человека от общинных и родовых коллективов, делала его относительно малозависимым от них. Ремесло и торговля, развиваясь, приводили к расширению слоя людей, которые обеспечивали свое существование за счет индивидуальных усилий и индивидуальных отношений с другими. Эллинистические города отрывались от сельской округи; уходило в прошлое живое ощущение единства территории и интересов проживающих на ней людей. Однако все это тут же наталкивалось на сопротивление огромного слоя людей с коллективистской и общинной психологией.

Поэтому растущее чувство индивидуализма, все больше пронизывающее средиземноморский мир, по-разному отражается в различных его слоях. Тем не менее, одним из характерных его симптомов является появление новых систем мировидения. Рядом с доживавшими свой век раннеэллинистическими системами на почве этой индивидуализации в I–III вв. идет интенсивное формирование новых образов мира.

Догматическая обработка в раннем христианстве пока еще отстает от интуитивно выраженных в нем идей. И не случайно попытки привести эту личностную (абсолютно-личностную) основу христианства в гармонию с миром приводят к вековым спорам, в которых постепенно вызревает религиозно-философская система христианского мировидения.

Но даже первый этап разработки этой системы занимает около двухсот лет – с середины I по начало IV в. (приблизительно 30–330-е гг.). Нетрудно заметить, что формирование догматической системы христианства идет параллельно со строительством неоплатонизма и гностицизма, примерно в те же сроки, а это, очевидно, предполагает интенсивное взаимное влияние всех этих формирующихся в одно время систем.

Для времени Константина очень характерно смешение христианских и языческих символов. Первой задачей христианской догматики стало утверждение заложенных в христианстве личностных основ. Главным здесь было отстоять и выразить личностное начало самого Абсолюта-Бога. Но для этого прежде всего надо было решить онтологическую проблему – проблему бытия Бога, осознанного в виде личностного принципа, в виде Абсолютной Личности.

В итоге в центре первого этапа формирования религиозно-философской системы христианства оказалась тринитарная проблема, в ходе решения которой надо было постараться ликвидировать следы языческого пантеизма в евангельских текстах, трансформировав и включив их в идею объективного бытия единого личностного Бога – Абсолютной Личности. Иначе говоря – совместить единого личностного Бога с разделением Его на три лица. Необходима была такая терминологическая и логическая обработка этих лиц, чтобы они превратились из своей раздельности в проявление конечного единства личности.

Символы понимались не просто как способ познания мира, а как сама действительность, как видимый образ незримых сущностей. Какую бы вещь мы не взяли – она оказывается символом стоящей за ней божественной действительности. «Всякое творение есть тень истины и жизни», – говорил Гонорий Августодунский. Словом, весь мир есть нечто иное, как символ мира невидимого, потустороннего.

Это (наряду с другими, не менее важными факторами богословского порядка) было одной из причин изменения пространственных концепций в христианском искусстве, почвой для создания в нем достаточно однородной, проницаемой пространственной среды, уничтожения плотности и телесности пространственных объектов, появления элементов линейной перспективы в христианском искусстве.

Сама форма креста требовала определенной позы Христа, когда его стали изображать в виде человека. Руки Христа на ранних крестах простерты в стороны свободно. Это Христос не распятый, а благословляющий. Он держит голову прямо, глаза его открыты, ноги свободно стоят на земле или чаще на евангелии. Это Христос живой, а не страдающий или уже умерший. И только в XII веке появились изображения Иисуса на кресте в виде распятого, страдающего существа.

В этой глубокой и всепронизывающей символической христианской картине мира, выделялись разные уровни смыслового содержания символов буквального, морального и мистического. Впоследствии они развивались в «четырёхличное» понимание символов: историческое, аллегорическое, тропологическое, моральное.

Таким образом, к рубежу IV–V вв. на первое место в христианской проблематике выдвигается христианский антропологизм – проблема человека в христианстве, в попытках решения которой постепенно складываются основы самого понятия «личность». Но усиление личностного самоощущения в эту эпоху, когда человек еще в полной мере не может опереться на себя, проявляется пока еще преимущественно в перенесении этого личностного чувства на внешний по отношению к человеку мир, то есть на Бога, и в первую очередь выражается во все более личностном ощущении Бога, которое и составляет отличительную черту христианства.

Оно как раз в этот период недвусмысленно проявляется в христианском искусстве.

Начиная с последней четверти IV в. (то есть именно с того времени, когда христологическая проблема выдвигается на первый план в учениях младших каппадокийцев) в византийских церквях постепенно исчезают символические изображения Христа, доминировавшие в предыдущую эпоху. Эти предшествующие каноны (изображение Христа в виде «добротного пастыря» (в буквальном образе пастуха, иногда даже с овцой на плечах), агнца, животворящего креста или даже престола с крестом) выражали в конечном счете апофатическую непознаваемость Божества, но одновременно несли и сильный заряд неличностного ощущения в восприятии Бога. Теперь они заменяются антропоморфными изображениями Христа и сцен, связанных с Воплотившимся Богом.

Раннее христианство не смогло завершить в своих недрах личностный синтез. Процесс формирования личности остановился в христианстве на полпути. Этот переходный характер не только раннего христианства, но и христианства вообще следует осознавать и учитывать, ибо и для средневекового христианства характерны эта незавершенность, сочетание старого и нового, многомерность и сложность составляющих его идей.

Для христианства характерен баланс личностных и неличностных интуиции, которые складываются в нем в некую шаткую равновесную систему, в которой, однако, постепенно начинают получать перевес личностные индивидуальные ощущения.

Это шаткое равновесие находит свое выражение и в концепции человека, отражающей колебания между самостоятельностью человека и зависимостью его от Бога, мира и церкви.

Все это находит свое прямое выражение и в христианской антропологии, колеблющейся от 1) крайнего самоуничтожения человека перед лицом Бога до 2) весьма ощутимого его самовозвеличения (по крайней мере, в пределах чувственно-материального мира).

Таким образом, христианская концепция человека есть своего рода неустойчивое, динамическое неравновесие личностных и неличностных черт, характеризующее неустойчивость и зыбкость интуиции формирующейся личности в позднеантичном и средневековом мире, отсутствие там прочной базы для личности в новоевропейском смысле слова.

Оно отражается и в концепции христианского подвига, христианского пути богопознания и спасения – они представляют собой цепь взлетов и падений, успехов и мучительных поражений, в которой, однако, преобладает для деятельной, активной личности восхождение по последовательным ступеням. Это-то и открывало в христианстве весьма широкий диапазон для проявления личностного начала, благодаря которому христианство в конечном счете успешно вжилось и в, казалось бы, уже противоположный ему по духу новоевропейский мир.

Но многомерность христианства сказалась и в других сторонах христианского мироощущения, в частности, в такой же сложности и многомерности восприятия времени и пространства, которое также характеризуется сочетанием нескольких разнородных их пластов.

Время в христианстве одновременно и линейно, и циклично, и отсутствует вовсе в Божественной вечности. Пространство одновременно и неоднородно в материальном мире, и однородно, некачественно и пронизуемо в мире горнем; его восприятие передается сложным сплавом элементов прямой линейной, обратной и параллельной перспектив.

Ранним христианам, еще слишком тесно связанным с языческим миром, видевшим в Христе торжествующего спасителя, а в кресте – символ спасения и вечной жизни, было совершенно чуждым то толкование, какое придало кресту средневековье. Первые христиане хотели борьбы и победы (пусть в потустороннем мире), и Христос для них был провозвестником и победителем над злом и смертью.

Средневековое христианство вложило в знак креста новое понятие. Он рассматривался как символ спасения через муки и страдания. Образ Христа, страдающего на кресте, стал ведущим символом христианской религии.

Источники и литература

1. Адаксина С.Б. Белоглиняное блюдо с изображением рыб из Алустона / С.Б. Адаксина // Византия и Ближний Восток. – Л., 1994. – С.101-108.
2. Барсов Н.И. Крест: Христианство: энциклопедический словарь / Н.И. Барсов. – М., 1995. – С. 468.
3. Вургафт С.Г. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря / С.Г. Вургафт, Н.А. Ушаков. – М.: Наука; 1996. – С. 353.
4. Гнутова С.В. Проблемы современной ставрографии / С.В. Гнутова. – М: Наука, 2007. – С. 308.
5. Дончева-Петкова Л. Бронзов крест от Враца / Л. Дончева-Петкова // Археология, Кн.2. – София, 1975, – С. 230.
6. Нейхард А.А. Происхождение креста / А.А. Нейхард. – М: Наука, 1975. – С. 482.
7. Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей 1054г.) / М.Э. Поснов. – К.: Наукова думка, 1991. – Ч. 182.
8. Свенцицкая И.С. Тайные писания первых христиан / И.С. Свенцицкая. – М, 1980. – С. 210.
9. Труфанов А.А. Символ в раннехристианском изобразительном искусстве // Православные Древности Таврики / А.А. Труфанов. – К: Стилос, 2002. – С.56-68.
10. Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения креста господня // Православные изображения креста господня // Православные Древности Таврики / В.Ю. Юрочкин. – К: Стилос, 2002. – С. 21-51.